

ДОЛЯ ДОЛЖНОЙ

Имя Вероники Долиной известно всем, кто хоть немного интересуется авторской песней. Ее песни предельно просты, искренни и как-то по-ребячески наивны, но у них есть достоинство - они сразу западают в душу. На ее концертах всегда аншлаг. А после последнего аккорда не хочется никуда спешить, просто бредешь по городу, а потом еще долго, сам того не замечая, внутренне все поешь и поешь ее песни.

- Вероника Аркадьевна, мечтали ли вы в детстве петь с эстрады?

- Я, как и большинство девочек, в детстве хотела стать актрисой, но лет в четырнадцать поняла - не мое это дело. Но чуть позже прорезались стихи, которые неожиданно заняли большую часть меня.

- Когда пришло решение стать профессионалом в лирической песне?

- Лет тридцать назад я познакомилась с людьми, организующими нелегальные концерты авторской песни. Чуть позже меня чуть ли не за руку привезли на первый фестиваль. В те времена наш жанр, по сути, находился в андеграунде. Авторскую песню не рекламировали, ее не поддерживали госструктуры, не крутили на радио и не показывали на телевидении. Это происходило до тех пор, пока люди, бывшие уже в достаточно серьезном возрасте, сами о себе не заявили.

- Сейчас на телевидении барды тоже не в чести?

- А им там и делать нечего! Наше нынешнее телевидение страшно далеко от искусства. Оно живет своей жизнью, а барды - своей. Понимаете, автор-исполнитель совсем не похож на человека из мира попсы, он не ведет себя агрессивно, атакующе и нахраписто. Потом, для того чтобы снимать авторскую песню у оператора и режиссера, не только профессионализм должен быть, но и душевность. Душевности же на телевидении остается все меньше и меньше. Хотя вот на канале «Культура» в программе «Апокриф» еще осталась рубрика, которая называется «Под гитару».

- Ходят ли на ваши концерты сейчас в это непростое время, когда о деньгах толкуют гораздо больше, чем об искусстве? Каким вы видите своего слушателя?

- Зал на моих выступлениях по-прежнему всегда полон, а вот аудитория несколько изменилась. Часть

интеллигенции всерьез занялась бизнесом, и ей теперь не до книг, музыки и бардовских концертов. Но подростки дети этих интеллигентов, которые воспитывались на лучших образцах нашего жанра. Наверное, мой слушатель - это некий российский интеллигент, мученный, но еще не до конца замученный жизнью, сохраняющий неравнодушие, доброту, живость духа и живость взгляда. Сейчас «мои» площадки - Центральный дом литераторов, Политехнический музей и конечно же «Гнездо глухаря», где «намыта публика». В этом бард-кафе я пою дважды в месяц, один раз в большом зале, один раз в малом. Кстати, я не слишком люблю большие площадки, и аудитория от пятидесяти до двухсот человек для меня просто идеальна. В общем, стихи пишутся, песни исполняются, диски выпускаются, устойчивая аудитория остается.

- Почему вы не участвуете в сборных концертах, в хорах бардов и на экзотических фестивалях уже давно не ездите?

- Сборные концерты мне как-то не нравятся, я с солидными программами привыкла выступать... Да на Грушинский фестиваль под Самару пятьсот тысяч человек вроде приезжает, но он в июле проходит. А мне в это время на даче хочется побыть. Да и неинтересно мне там, не люблю я шум и суету.

- Как вы песни пишете?

- Стихи обычно пишутся очень легко, причем появляются сразу вместе с музыкой. В состоянии подключения к этому пространству я нахожусь постоянно, но некоторые песни могут довольно долго вынашиваться и выныриваться. Но бывает и так, что песни возникают гнездовьями, скажем три - пять за два месяца. Мелодия же, на мой взгляд, должна лишь поддерживать стих, но делать это крайне деликатно.

- Почему, на ваш взгляд, далеко не все пес-

ни авторов-исполнителей можно читать, как стихи?

- Даже не знаю. Думаю, у мастеров нашего жанра песни все же носят литературный характер. Скажем, песни Булата Окуджавы и Новеллы Матвеевой всегда можно не только слушать, но и как стихи читать. А вот Юлий Ким по природе очень театральный человек, у него драматические песни преобладают. Театральными приемами и масками часто пользовались Галич и Визбор, у Высоцкого много театральности. И все же, по моему мнению, авторская песня - это прежде всего отдельная ветвь именно в литературе.

- Не так давно у вас вышла очень хорошая подборка стихов в «Новом мире».

Сами ее туда предложили?

- Нет, я отдала в журнал большую подборку новых стихов-песен по просьбе моего старинного товарища поэта Юрия Кублановского. Он выбрал из нее то, что ему больше всего понравилось.

- У вас четверо детей, муж кинорежиссер, домашние дела. Как вы песни успеваете писать?

- Да я вроде с молодых лет замужем, детей давно имею и с бытом уже срослась. И по магазинам хожу, и еду готовлю, и в квартире прибираюсь. Все, что связано с бытом, для меня не обуза, а бытие. Быт отнюдь не помеха стихам.

- Практически в каждом вашем альбоме есть одна-две песни с московскими привязками, можете хотя бы приблизительно прикинуть, сколько всего у вас песен о столице?

- Более пятидесяти, совершенно точно. Так что запросто могу отдельную большую концертную программу о Москве сделать.

- В своих песнях вы часто вспоминаете сретенские переулки, в которых прошло ваше детство. Часто ли навещаетесь туда сейчас?

- В какие-то годы, уже совсем не юношеские, я повадилась ходить на Сретенку. Для меня это заповедное место, алтарь детства. Всех немногочисленных дорогих моему сердцу людей туда отводила, и это было для чего-то нужно. Иногда и сейчас очень хочется просто прикоснуться к ручке подъезда, где я когда-то жила в том, все более отдаляющемся от меня, детстве. Глухое животное тепло я еще до недавнего времени продолжала чувствовать практически в каждом переулке от Сретенских ворот до Колхозной площади. Но, увы, сейчас тайная дверь в мир детства и в мир Сретенки для меня захлопнулась и больше не открывается. Я там бываю все реже и реже...

- Я очень люблю вашу песню «Мой дом летает» с замечательными строчками: «Никто не знает, то мой дом летает. В нем орущие дети и плачущий пес. Никто не знает, что мой дом летает. О, только бы ветер далеко не унес!» Был ли на самом деле этот дом?

- Конечно, был! Это маленькая торцевая квартира между Соколом и Аэропортом, в которой я когда-то жила с мужем и тремя детьми. Мне часто каза-

лась, что мы так перегрузили эту маленькую квартирку, что она висит как ласточкино гнездо и вот-вот оторвется. И очень хотелось, чтобы она в этом случае полетела бы не вниз, а вверх. Вот и все.

- А какую музыку вы слушаете?

- Моя музыка - это книги. Когда мне требуется вдохнуть озонированную струю воздуха, ныряю в какую-нибудь поэтическую книгу. Если есть побольше времени, читаю хорошую прозу. Сейчас как раз собираю книги, которые со мной на дачу поедут.

- Что, если не секрет, читать собираетесь?

- Старого серебряновекового писателя Чирикова, старика Овидия, Жапризо, роман Уоллиса «Крупная рыба», на основе которого поставлен очень оцененный мною фильм Тима Бартона. Старший сын вот подлихнул мне еще роман Ирвина Уэлша «Дерьмо». Плюс беру с собой детские французские книжки, которые с младшим мальчиком будем читать.

- Чем в ближайшее время вы планируете порадовать своих поклонников?

- 25 июля, в день смерти Высоцкого, в «Гнезде глухаря» пройдет мой концерт. На нем я обязательно спою все песни, которые в разные годы ему посвятила.

- Вероника Аркадьевна, далеко не все знают, что вам при жизни памятник поставили. Расскажите, пожалуйста, о нем.

- Есть такой! Но это памятник не мне, а Марку Шагалу. К столетию художника он был уставлен в Витебске. Когда я была там с концертом, меня притащили к памятнику и показали музу, прелетающую над Шагалом. А на поручне кресла, на котором сидит художник, выбита надпись: «Памятник посвящается Веронике Долиной». Самое интересное то, что в Витебском меня ничего не связывает и со скульптором я до сих пор не знакома.

Беседу вел Алексей БЕЛЫЙ

Фото из семейного архива

Литературная, 13, - 2005 - 7 июля - с. 46